

Ирина Аффи

**МИНСК — БЕЙРУТ —
НЕИЗВЕСТНОСТЬ**

Роман

МИНСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ»
2014

УДК 821.161.1(476)-1
ББК 84(4Бел)-5
А94

Аффи, И. А.

А94 Минск – Бейрут – неизвестность : роман / Ирина Аффи. — Минск : издательство «Четыре четверти», 2014. — 250 с.
ISBN 978-985-7058-58-7.

«Минск – Бейрут – неизвестность» — первая книга Ирины Аффи. В ней прослеживаются судьбы людей двух поколений. Автор повествует о сложных взаимоотношениях героев: о любви, самопожертвовании. Мы убеждаемся, что истинные чувства способны преодолеть, казалось бы, непреодолимые препятствия. Жизнь героев наполнена трудностями, связанными еще и с тем, что родились они в странах, где разнятся и вера, и национальность, и нравы. Но они упорно идут к своей цели.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, в особенности на ту часть женской аудитории, которая убеждена, что счастье — непременно в дальних странах, за морями и океанами, — и ищет там свою вторую половинку.

УДК 821.161.1(476)-1
ББК 84(4Бел)-5

ISBN 978-985-7058-58-7

© Аффи И. А., 2014
© Оформление. ОДО «Издательство
“Четыре четверти”», 2014

Рождество 2005 года в Ливане было украшено поистине европейской зимой. Белый снег покрыл дома и поля, украсив незатейливые постройки маленьких ливанских городков. Они походили на альпийские деревеньки, тревожа души живущих тут иностранцев своим тёплыми огоньками.

Инна ехала в своём маленьком «пежо» по размытым дорогам, похожим на её размякшее от воспоминаний сердце. Снег. Снег... Снег! На лобовое стекло падали хлопья и ей было даже жаль включать стеклоочистители, настолько редким для здешних мест и желанным был этот снег. В машинах было не принято менять резину на зимнюю, ввиду отсутствия зимы, и водители, медленно скользили по дорогам, проклиная всё на свете. Им не о чём было грустить, и этот, безусловно, красивый пейзаж, навевал на местных жителей совершенно другие мысли. «Не снег, а головная боль: школы закроют, дети будут дома, на работу и по делам не выедешь, кроме как на джипе. Пока не растает утренний лёд, надо будет цепи наматывать на колёса, чтобы передвигаться по заснежено-обледеневшим дорогам. Эх, кому зима, а кому мука сплошная!»

В салоне Инниной машины пела в магнитофоне группа «Рондо», было тепло и уютно, и настроение было рождественским! И как кстати этот снег! И подарки к Рождеству она выбрала необыкновенные! Всё складывается таким волшебным образом!

Она проделала неблизкий путь в этот христианский городок, где рождественское настроение летало в каждом переулке. Хозяева выдумывали убранства для своих владений: одни ставили украшенные гирляндами из мерцающих лампочек ёлки в кадучках у входа, иные сооружали рождественские пещеры во дворах. На всех балконах многоэтажных зданий были приметы

приближающегося праздника. Лица людей были озарены какими-то детскими и только в Рождество возможными улыбками. Все были приветливы и подчёркнуто вежливы.

Посетив все необходимые магазины, Инна направилась в ресторан забрать заказанные накануне блюда. Всё было готово и радушный продавец помог донести ей до машины пакеты с заготовками праздничного ужина. Садясь в машину, она услышала телефонный звонок и, спешно уместив свой ароматный груз на заднем сидении, начала искать телефон, неизвестно куда запропастившийся. Выудив его из щели заднего сиденья, всё-таки успела ответить.

— Алло! Лена! С наступающим тебя... Что случилось? Да, я ещё тут. Только вышла из ресторана. Хорошо, а что случилось? Ладно жду.

В полном недоумении Инна вернулась в ресторан и, заказав три чашки кофе, уселась у нарядного окна ожидать подругу. Что у той произошло по сбивчивым фразам понять было невозможно.

Ждать пришлось недолго. Не успел официант расставить на столе чашки, как ко входу подъехала знакомая машина. Из одновременно распахнувшихся дверей выскочили две женщины и направились в ресторан.

— Привет! Лен, что с тобой? Наташа, боже, да на тебе лица нет! Что случилось?— она переводила взгляд с осунувшегося Лениного лица на опухшее от слёз Наташино.

— Инн, Наташа пыталась вывезти Софью по поддельным документам, а Валид их поймал в аэропорту. Ему кто-то сообщил. Он дочку забрал, а Наташу чуть не убил. Хорошо, что я их отвозила в аэропорт и была рядом — на парковке машину ставила, так она убежала ко мне и мы быстро уехали. Он её ищет...

— Нормально... А почему я ничего не знала?!

— Инн...

— Ладно, это не самое важное сейчас. Хотя обидно.

— Да я не хотела подставлять вас, девочки! — сквозь слезы заговорила Наташа. — Вам ещё тут жить! Просто побоялась ночью на такси уезжать, вдруг попался бы шофер, который Валида знает! Так ночью Ленке и позвонила, попросила подбросить.

— А где ты документы-то левые взяла?! — спросила ошарашенная Инна.

— Где-где? — злобно ответила за неё Ленка. — Сказала бы я где! Точнее у кого! Ей Тонька, сучка, обещала за десять тысяч баксов всё проверить. Эта бедная машину заложила, всё что было продала... А-а! Меня надо было брать с собой, когда к ней договариваться поехала! Ты со своей интеллигентностью и доверчивостью такую тварь не раскусишь. Веришь всему, бестолковая!

— Да ладно, Лен, не добавляй ей, и так вон еле живая сидит. А сейчас-то что делать?

— Не знаю... — Наташа полными слёз глазами смотрела в окно. — Жить не хочется, девочки... Я же её больше никогда не увижу... — Она опустила голову на руки и зарыдала.

Все понимали, что слишком велика доля правды в этих словах и не представляли, чем можно было утешить отчаявшуюся мать.

— Лена, милая, как я жить буду? Лена, что мне делать? — она не скрывая слёз и воя уже в голос тянула подругу за руку, будто подталкивая её совершить что-то невозможное, чтобы вернуть дочь. — Инна, её в платок оденут! Она будет расти, а я не увижу, у неё будут проблемы, а я не помогу... Инна... Она невестой станет, а меня не будет рядом...

Лена, смахивая слёзы, гладила её по поникшей голове, не зная что ответить.

— Пошли-ка к машине. — сказала Инна, собирая вещи. — Нечего внимание привлекать, раз такое дело.

Они вышли, поддерживая шатающуюся от бессилия подругу и перешли в машину. Наташа уже не рыдала, слёзы сами стекали по застывшему лицу.

— Слушай сюда, подруга. — сказала Инна, хорошенько встряхнув её за плечи. — Что случилось, то случилось. А сейчас слушай сюда! Пока мать жива и здорова, она вернёт ребёнка. Я не знаю как! Бог поможет! Но если ты помрёшь, то шансов нет. Мало кто проигрывает, в основном сдаются. Она повзрослеет и запрет не будет действовать после семнадцати — это первый вариант.

Может она сама ещё раньше достанет отца просьбами и он согласится тебе её вернуть?

— Этого точно не будет... — тихо прошептала Наташа.

— Ну, а кто сказал, что он будет жить вечно? Вдруг помрёт, этот вариант тоже не сбрасываем со счетов! — бодро продолжала Инна, увидев, что в Наташины глаза возвращается интерес.

— Добрая ты женщина... — прокомментировала Ленка.

— Не мы начали эту войну! — парировала воодушевлённая оживлением подруги Инна. — И наконец! Ты красавица, мы тебя ещё раз в Ливане замуж выдадим. Как-никак, а рядом будешь!

— Инна, ну что ты ерунду говоришь! Мне одного замужества на всю жизнь хватит...

— Ну и умница. А теперь серьёзно, Наташа, за детей надо сражаться, и на это, возможно, потребуется время, возможно, годы. Но сдаваться нельзя! А пока в этом сражении надо временно спрятаться, чтобы сохранить себе жизнь. Это временно! Согласна?

— Спасибо. Но он не даст мне уехать. Найдёт и убьёт!

— Даст-даст. Только не сейчас, со временем. Время, Наташка, сейчас наше всё! — заключила Инна и, повернувшись к Лене, добавила. — Я сейчас к нам на разведку, а вы тут «туснитесь» где-нибудь. Разузнаю — перезвоню. А там разберёмся! Всё, побежала.

Наигравшись в снегу во дворе, замёрзшие и промокшие дети свалились в домашнее тепло, оставляя по мере продвижения в квартиру лужи, перчатки, ботинки, куртки. Обычно терпеливая работница Рена сегодня была не в духе и, ворча на эфиопском, она шла за ними, нервно поднимая разбросанную на ходу одежду. У неё был тяжёлый день. Утром она испытала шок, увидев из окна белую землю, и подумала, что наступил конец света, о котором говорил священник в их церквушке-хижине на родине в Эфиопии. Во всей деревне у них не было ни одного телевизора, поэтому она даже представить себе не могла, что земля за ночь может сменить

цвет. Тут ещё и неугомонный мистер Имад не мог успокоиться, пока не вытащил её на улицу и не забросал снежками, шутя, что впервые увидел воочию закон единства противоположностей. Мадам Инна потом успокаивала её и отпаивала чаем, ругая супруга. А тот набрал снег в тазик и превратил его в воду, отчего Рена опять заревела, а мистер махнул рукой и сказал ей «темнота!». Ближе к полудню мадам Инна уехала за подарками, и вот уже шесть вечера, на улице стемнело, а её всё нет. Земля же всё еще белела, даже ночью! Нехороший день...

Переодевшись, дети прошли в уютную каминную комнату, где за заваленным бумагами журнальным столиком работал папа, и сразу потребовали бутербродов с какао. Вздыхая, обиженная на весь (сегодня особенно) белый свет, Рена поплелась готовить им ужин. И почему хозяйка задерживается? Станный день...

Раздался телефонный звонок.

— Да, Инна! — ответил Имад, свободной рукой пытаясь отобрать у Насти важный документ, на котором та собралась оставить автограф. — Ты сегодня домой собираешься? Сейчас подморозит — не доедешь! Ну, давай, аккуратно. Нет, не знаю. А что случилось? — спросил и замолчал, внимательно слушая и мрачняя. — Инна, я тебя прошу, не вмешивайся! — опять глубоко вздохнул, продолжая слушать. Потом обречённо сказал: — Ну, поздно, так поздно. Да, я позвоню. — и положил трубку.

Он вышел на кухню, мрачный как туча, сел, не замечая важной и обиженной Рены, и закурил. Она попробовала было недовольно кашлянуть, но хозяин глянул на неё так, что мило улыбнувшись и забыв все обиды, она с подносом пулей вылетела к детям.

Имад набрал номер старого знакомого и, оставив телефон на громкоговорителе, стал заваривать себе чай под мелодичные гудки. Потом передумал, выключил почти закипевшую воду и налил себе глоток виски.

— Алло! Алло! — закричали из телефона на всю кухню. — Имад! Как хорошо, что ты позвонил! Ты уже знаешь, что случилось?!

— Да, привет, Али! Не волнуйся. Инна звонила и рассказала в двух словах. Ей Лена позвонила. Они с Наташей к нам собираются и где-то через час будут.

— Зараза, идиотка!! Я же просил её не связываться с Валидом! Потом не выпутаемся! Что за женщина! Что делать? Мы вообще тут ни при чём!

— Успокойся! — все знали истеричный характер Лениного мужа, он был безумный трус и паникёр, и все боялись его непредсказуемого поведения, поэтому Имаду с его врожденной гипнотической силой убеждения было поручено обезвредить временно невменяемого друга.

Раздался скрип тормозов. Имад выглянул в приоткрытое окно: подъехала машина к их двору, хлопнули дверцы.

— Али, я всё решу, главное никому не звони и ничего не говори, особенно Валиду! А то он за такую новость тебя первого и возненавидит. Человек он недобрый! И мы с тобой стали тут очень даже при чём! Так что к телефону лишний раз не подходи, чтобы не врать, пока они не приедут и не разберёмся что и как, а увидишь мой номер — отвечай. Всё, ко мне пришли, пока.

— Как пока?! Кто? Кто пришел?!— кричал, изо всех сил хватаясь за нить телефонной связи, аппарат, пока Имад безжалостно его не прервал.

В тяжёлую дверь постучали. Рена поспешила открывать, чтобы хозяин не разозлился, но он её опередил.

— Иди и будь с детьми! Не выходите, пока не позову. — сказал он, посмотрев в глазок и отпирая замки.

«Нехороший день» — опять с грустью заскулило Ренино сердце...

— Ассаламу алейкум! — В дверь медленно вошёл очень высокий строгий мужчина с малоподвижным лицом, тонким ртом и волевым подбородком. Рядом с ним всегда становилось неспокойно, некое предчувствие опасности появлялось в душе. Возможно, из-за большой комплекции или из-за непрямого присутствия пистолета в кобуре на ремне брюк у всех мужчин его

многочисленной семьи. Правда, он до сих пор ни разу не использовался, а служил таким фирменным знаком. Но ведь все знают, что бывает, когда на стене висит ружьё...

Они поздоровались за руку с хозяином и троекратно поцеловались.

— Добро пожаловать, Валид, заходи!

— Спасибо. — Валид прошел в гостевой салон хорошо знакомого ему дома. Он заметно нервничал. Снял куртку, шарф положил на ближайшее кресло. Присел, потом пересел так, чтобы лучше видеть входную дверь.

Зная в общих чертах всё, что случилось, Имад понимал, что визит неслучайный, но пока слабо представлял себе предстоящий разговор и не торопил его. «Проблема серьёзная, тема очень личная, пусть сам решит, хочет ли он огласки. Одно дело — сплетни поползли, другое, когда сам признал и подтвердил. Пусть думает».

— Присаживайся, угощайся, закуривай! — Имад придвинул вазу с фруктами, вазу с сигаретами всевозможных марок, пепельницу. Сел на соседнее кресло не близко и не напротив, а очень нейтрально.

Валид закурил, молча перебирая чётки нервными пальцами и всё время почему-то оглядываясь.

— Как ты, Имад? Как дети, как супруга? Все здоровы?

— Слава Богу, Валид, все здоровы.

Имад не знал, как быть дальше, как вести беседу. Не спросить в ответ про его семью было бы крайне невежливо, тем более сразу станет понятно, что ему всё известно и он избегает разговора на эту тему. Спросить — тоже задеть за живое. А вдруг он знает, что всем уже всё известно? Тогда вообще форменное издевательство.

Инна спросила бы в лоб. Ей можно, она иностранка, а ему придется выкручиваться, соблюдая правила беседы.

«Где её носит?! Лучше буду пока о своих говорить, время тянуть» — решил он.

— Ты знаешь, Настя жалуется на боли в коленках, хотел тебе её показать, это же как раз твой профиль.